

Предупредив, чтобы я не пугался необычных и даже жутких узоров на украшениях, дядя осторожно и как бы нехотя вынул шкатулку. Художники и археологи, видевшие эти сокровища, единодушно признали непревзойденное мастерство и экзотичность ювелирной работы, хотя никто из них так и не сумел определить ни школу исполнения, ни сам металл. Среди таинственных поделок были два браслета, тиара и необычное нагрудное украшение. Выгравированные на нем фигурки побивали по своей inferнальной причудливости самую необузданную фантазию.

Еще во время дядиного рассказа, как я ни пытался сдерживать свои чувства, лицо мое выдавало нарастающий страх. Взглянув на меня, дядя сокрушенно покачал головой и отложил шкатулку. Я жестом успокоил его, все, мол, в порядке, и тогда он с явным неудовольствием открыл шкатулку. Извлекая на свет первый предмет, он, несомненно, ждал с моей стороны эмоций, однако не столь сильных, какие последовали. Да и сам я, казалось, был уже готов ко всему, понимая, какие драгоценности мне предстоит увидеть, но когда тиара открылась предо мной во всей своей зловещей таинственности, я потерял сознание, пережив такой же обморок, какой настиг меня год назад в зарослях на железнодорожной колее.

С того дня жизнь моя была отравлена неотвязными мыслями и подозрениями. Как узнать, где кончается ужасная истина и начинается сумасшествие? Итак, моя бабушка происходила из семейства неких Маршей и жила в Археме. Но Зедок Аллен говорил, что рожденную от рыбагушки дочь Абеда Марша выдали обманом за жителя Архема. Помнится, старый пьяница что-то бормотал о моих глазах, напомнивших ему глаза Абеда Марша. И услужливый член Исторического общества тоже отметил, что у меня типично «маршевые» глаза. Значит, капитан Марш — мой прапрадедушка? А кто же тогда моя прапрабабка? Попробуй разберись. Украшения из белого металла могли быть, конечно, куплены отцом прабабушки у какого-нибудь инсмутского матроса. Что же касается необычно выпуклых глаз и бабушки и дяди-самоубийцы, то, скорее всего, это мои фантазии. После пережитого в Инсмуте шока воображение у меня разыгралось не на шутку. И все же почему дядя покончил с собой после поездки в Новую Англию, где наводил справки о предках?

Более двух лет я с переменным успехом боролся с одолевавшими меня сомнениями. По рекомендации отца я получил место в страховой компании и ушел с головой в работу. Но зимой 1930/31 года меня замучили сны. Вначале они посещали меня редко, заставляя врасплох, потом чаще, становясь все ярче и красноречивее. Мне снились бескрайние водные просторы, гигантские подводные стены, увитые водорослями. Я плутал в этом каменном лабиринте, проплывая под высокими портиками в сопровождении диковинных рыб. Рядом скользили еще какие-то неведомые существа. Наутро при одном лишь воспоминании о них меня охватывал леденящий душу страх. Но в снах они нисколько не пугали меня — ведь я сам был одним из них. Носил те же причудливые одеяния, плавал, как они, и также совершал богохульственные моления в дьявольских храмах.

Проснувшись, я помнил не все, кое-что ускользало из памяти, но и того, что оставалось, с избытком хватило бы, чтобы объявить меня безумцем или гением. Однако мне хватало ума не записывать свои сны. Я постоянно ощущал на себе пугающее воздействие некоей посторонней силы, стремящейся вырвать меня из привычного окружения и перенести в чуждый, неведомый и страшный мир. Все это плохо сказалось на моем здоровье. Меня словно что-то подтачивало, выглядел я ужасно и вскоре, уйдя с работы, засел дома, ведя неподвижную и уединенную жизнь тяжелобольного человека. Ко всему присоединилось и странное нервное расстройство — временами я был не в состоянии закрыть глаза.

Именно тогда я начал подолгу с тревогой изучать свое отражение в зеркале. Всегда мучительно видеть разрушительное действие болезни, в моем же случае перемены были,

кроме того, весьма странного свойства. Отец, видимо, тоже заметил их, и в его взгляде читалось любопытство, граничащее с ужасом. Что происходило со мной? Неужели я становился похож на бабушку и дядю Дугласа?

Однажды мне приснился страшный сон. В своих путешествиях под водой я встретил бабушку, которая жила в сверкающем дворце со множеством колонн, в окружении дивных коралловых садов, полных диковинной вьющейся растительности. Она тепло и слегка насмешливо приветствовала меня. Бабушка очень изменилась, как меняются все, навеки переселившиеся в океан. Она призналась мне, что не умерла, как все считают, а отправилась на то место, о котором узнал из бумаг покойный сын, поднялась на камень и бросилась вниз — в наше царство. Сын мог бы наслаждаться чудесами этого мира вместе с ней, но предпочел пулю.

Это царство ожидало и меня, — третьего, считая и дядюшкин, пути не было. Я тоже никогда не умру и буду жить с теми, кто существовал под водой еще до появления на земле человека.

Я встретился также с той, что была ей бабушкой. Восемьдесят тысяч лет прожила Пфтьялйи в Йхантлее и после смерти Абеда Марша вновь вернулась сюда. Они рассказали мне, что даже глубоководные бомбы, которые войска бросали в океан, не смогли разрушить Йхантлей. Повредили, но не разрушили. Обитатели Глубин не могут погибнуть, хотя древняя магия Почивших Старцев иногда способна повредить им. Теперь придется выждать. Но наступит время, и они снова всплывут за данью для могущественного Ктулху и на этот раз выберут город богаче и величественней Инсмута. Они планируют расширить свои владения, и те, кого они растят на берегу, должны помочь им в этом. Но пока нужно затаиться. За то, что я навлек на них беду, меня ожидает наказание, но, по словам бабушки, не слишком суровое. В этом же сне я впервые увидел шоггот и тут же, вопя от ужаса, проснулся, не в силах вынести зрелища. На утро, подойдя к зеркалу, я убедился, что приобрел типично «инсмутское» выражение лица.

Я не застрелился, как дядя Дуглас, хотя купил автоматический пистолет и почти решился на этот шаг. Меня остановили сны. Страх понемногу ослабевал. Теперь морская пучина скорее манила, чем пугала меня. Во сне я видел и сам совершал странные вещи, но, просыпаясь, пребывал не в отчаянии, а в восхищении. Думаю, мне не следует по примеру остальных дожидаться полного преобразования.

Не ровен час, отец упрячет меня в санаторий, как бедного кузена. Под водой же меня ожидают величественные дивные зрелища, и я должен увидеть их! Иа-Рлье! Ктулуф хтан! Иа! Иа! Нет, я не застрелюсь! Никто не заставит меня это сделать!

Первым делом надо похитить из Кентонской лечебницы кузена и вдвоем добраться до чудесного Инсмута. Мы поплывем к чернеющему вдаль рифу и нырнем с него в темную бездну. Туда, где раскинулась великая родина моих предков, где возвышаются царственные колонны Йхантлея. Там, в этом пристанище Обитателей Глубин, среди чудес и великолепия мы будем пребывать вечно.

<http://tl.rulate.ru/book/43725/1032724>